

© 1999 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ М.И. РОСТОВЦЕВА РОССИИ

(К выходу книги «Скифский роман». Под общей ред.
Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997)

Каждому из выдающихся ученых была уготована своя судьба: одних фортуна одарила относительно безмятежным течением бытия, жизнь других не миновали коллизии, а порою и до крайности критические моменты, либо преодолевавшиеся силой духа подвижников науки, либо кончавшиеся трагически. Трудно все же сыскать в истории антиковедения биографию более бурную, одновременно невероятно счастливую и тяжело мученическую, чем у Михаила Ивановича Ростовцева. Достигший к своей 40-й вершины успеха и славы как в мире, так и у себя на родине, ставший в роковом 1917 году членом Российской Академии наук, он, самозабвенно влюбленный в Россию, год лишь спустя вынужден был ее покинуть, ибо, одаренный божественной дивинацией в научном творчестве, он и здесь пророчески предвидел, какая судьба с приходом новой власти предначертана его стране, науке и ему самому.

Заслуженное возвращение великого русского ученого его родине, куда он так и не вернулся, но где все же никогда не был забыт ни его друзьями и коллегами, ни последующими поколениями российских антиковедов, началось ровно десятилетие назад публикацией на страницах «Вестника древней истории» (1989–1990) неизвестных и неизданных до того глав из II тома его эпохального труда «Скифия и Боспор», сопровождаемых очерками о жизни и творчестве ученого¹. Бесповоротный возврат М.И. Ростовцева в ряды интеллектуальной элиты России блестяще увенчивает теперь «Скифский роман» – неординарно замысленный, с душою подготовленный и великолепно изданный труд большого коллектива авторов²; вдохновителем его, главным дирижером и исполнителем большинства этюдов выступил Г.М. Бонгард-Левин.

Вышедший в издательстве «Российская политическая энциклопедия» объемистый том структурно делится на пять частей, предваренных Предисловием и снабженных Указателем имен. Авторские очерки каждого из разделов посвящены одной из кардинальных тем по биографии М.И. Ростовцева: часть 1 – описанию архивного наследия ученого в российских, американских и европейских фондах; часть 2 – его жизни и творчеству как в России, так и в эмиграции; часть 3 – личным отношениям не только с друзьями и коллегами, но и с редкими недоброжелателями; в 4-й части комментированно изданы многие неопубликованные письма самого исследователя, а в 5-й – его ранее неизвестные публичные лекции. Едва ли было бы здесь уместным пусть даже бегло обозреть каждый из богатых содержанием и свежими материалами очерков, резоннее остановиться на более существенном: на тех редкостных в нашей историографии достоинствах тома, благодаря которым он, на мой взгляд, не может не привлечь живейший интерес ученого мира и сделаться увлекательным романом для всякого культурного читателя.

¹ Они сведены вместе, снабжены комментариями и иллюстрациями в немецком издании: *Rostowzew M. Skythen und der Bosphorus, Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Übersetzt und herausgegeben von Heinz Heinen. In Verbindung mit G.M. Bongard-Levin und Ju.G. Vinogradov. Historia Einzelschriften. Bd. 83. Stuttgart, 1993.*

² Вот перечень их имен без упоминания помощников в подготовке издания: Г.М. Бонгард-Левин, В.Ю. Зуев, И.В. Тункина, А.Н. Бадер, Г. Бауэрсок, М. Вахтель, С.В. Куланда, И.Л. Кызласова, Ю.Н. Литвиненко, Е.В. Ляпустина, С. Мэтесон.

Наипервейшее из этих достоинств состоит в том, что все главы книги без исключения построены на том же фундаменте, что и само научное творчество М.И. Ростовцева – на документах. Различие лишь в том, что ученый базировался в своих конкретных разработках и концепциях на древних, как правило, давно известных либо новонайденных источниках, а создатели «Скифского романа» – на открытых в российских и зарубежных архивных хранилищах прежде неведомых письмах как самого Михаила Ивановича, так и адресованных ему, а также документах иного рода: протоколах, служебных записках и прочих им подобных. Заслуга отыскания этих источников в архивах Петербурга принадлежит И.В. Тункиной и В.Ю. Зуеву (см. с. 17–23, 24–34), а в архивных фондах США, Англии и других стран Европы – Г.М. Бонгард-Левину (с. 35–39). Благодаря работе над этими документами раскрылись и проявились не только многие моменты жизненного пути ученого, но и связанные с ним события, творившиеся у него за спиной, к примеру, «дело Жебелева» и изгнание его самого из Российской Академии наук (с. 101–109).

В итоге упорного исследования коллективом авторов тома прежде всего эпистолярного наследия выдающегося русского ученого и адресованных ему писем друзей и коллег, большая часть которых приведена в «Скифском романе» *in extenso*, Михаил Иванович предстает перед нами, знакомыми с ним до того преимущественно лишь по биографии и многочисленным выдающимся трудам, совсем в ином, неожиданном ракурсе – как крайне эмоциональный человек, с присущими ему переживаниями, склонностями, метаниями, замыслами. Утонченно чувствительный характер этой широко одаренной натуры проявлял себя во всех сферах: на педагогическом, общественном и культурном поприще, не мог он не отразиться и на его научном творчестве, как и на взаимоотношениях со своим неординарным окружением.

Яркий пример тому изложен в одном из самых впечатляющих этюдов «Скифского романа», где повествуется о многолетней искренней дружбе М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза (с. 305–328), отношения которых, столь безоблачно начавшись, могли, однако, не только омрачиться, но и потерпеть полный крах из-за резкой по содержанию и стилю рецензии русского ученого на вышедший в 1913 г. том «Scythians and Greeks». В суровой и по сути верной критике проявилась неумная натура Михаила Ивановича – тонкого аналитика разнообразных источников, мастера ширококомасштабных исторических обобщений, генератора глобальных концепций, хоть и окрестившего в одном из писем себя самого «торопыгой и фантастом». Вся его природа противилась работам компилятивным, со скудным исследовательским ядром. Автору этих строк довелось однажды лично слышать рассказ известного гамбургского профессора Б. Снелля, у которого Ростовцев на одном из антиковедческих конгрессов поинтересовался, продолжает ли и дальше школа проф. Э. Цибарта продуцировать диссертации вышеназванного пошиба, и получив утвердительный ответ, воскликнул: «Передайте ему, чтобы тотчас прекратил!» В разбираемом очерке автор тонко подметил благородную реакцию Э. Миннзы, сумевшего подняться над жарышными амбициями, распознав принципиальный характер критики рецензента, его тягу к научной истине, что позволило спасти и в дальнейшем упрочить дружбу обоих, но главное – на документальном материале показать, сколь долго и мучительно терзал себя сам М.И. Ростовцев, сожалея об излишней суровости своего отзыва, особенно в тяжкие годы эмиграции, когда его английский коллега и друг неустанно оказывал ему неоценимые услуги.

«Скифский роман» существенно обогатил и расширил наше знакомство с окружением Ростовцева, простиравшимся от самых верхов, как это увлекательно изложено на основе архивных материалов в очерке о связи ученого с великим князем Константином Константиновичем, которого тот длительно и основательно консультировал при создании августейшим поэтом – бывшим к тому же и президентом Академии наук – исторической драмы о страстях Господних «Царь иудейский», поставленной на императорской эрмитажной сцене в начале 1914 г. (с. 233–247). Творцы «Скифского романа» не остановились только на исследовании связей М.И. Ростовцева с яркой плеядой коллег и учеников, в которой блистают столь славные имена, как Э.И. Бикерман, А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, У.Л. Вестерман, С.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, И.В. Помяловский, А.М. Таллыгрэн, Ф.И. Успенский, Ч.Б. Уэллс и многие другие. Они комментированно анализируют эпистолярное наследие, позволяющее глубже проникнуть в мир политических убеждений ученого-патриота, взывающих к нам из полусотни публикуемых писем к соратнице по партии кадетов А.В. Тырковой-Вильямс и ее мужу (с. 461–500). Но главная их заслуга бесспорно в том, что «Скифский роман» не только в корне изменил наши досель скудные представления о том высоком месте, которое Михаил Иванович занимал в русской культуре, но и попросту раскрыл перед нами впервые его благородную гуманную миссию (не мессианство!) под-

линного хранителя ее и, если угодно, спасителя. Ведь тысячу раз права была Тыркова, когда в одном из своих посланий военных лет провидчески изрекла: «...а что мы с Вами, дорогой Миша, культура, этого при всем своем скептицизме Вы оспаривать не станете» (с. 462).

Еще в начале века, задолго до эмиграции, явственно обозначилась сопринадлежность М.И. Ростовцева тому кругу культурной элиты России, куда входили А. Блок, А. Белый, М. Добужинский, Н. Рерих, К. Сомов, Л.Д. Зиновьева-Аннибал и многие другие, регулярно собиравшиеся и у «башенного жителя» Вячеслава Иванова, и на ростовцевской квартире на Большой Морской (с. 249, 287). И те застолья и эти журфиксы отнюдь не были для Михаила Ивановича и Софьи Михайловны средством достижения именито интеллектуальных знакомств – со многими из их круга Ростовцева связывала тесная и творческая дружба. В эти годы проявилась одна его черта, которая во всей своей полноте раскрылась уже потом, за океаном – постоянное стремление прийти на помощь другу, внести вклад в его – и тем самым русской культуры – духовное развитие, как это прекрасно показано в очерке о Вяч. И. Иванове, коего суровая настойчивость теплого-друга заставила в конце концов завершить и выпустить в свет свою диссертацию о публикаторах, хотя душа его давно уже витала на поэтическом Олимпе (с. 248–258).

Став уже респектабельным профессором Йельского университета, Ростовцев, дабы поддержать своего старинного, но малообеспеченного друга, заказывает у К.А. Сомова свой портрет, изящно украсивший цветной фронтиспис «Скифского романа» (с. 287–289). Но более всего ошеломляет этюд о Владимире Набокове (с. 290–299). И прежде было известно, что исключительно благодаря благородной протекции Ростовцева прозябавшему в Праге в нужде Г.В. Вернадскому удалось продолжить свой плодотворный научный путь в Америке, достигнув там на склоне лет всех мыслимых и немыслимых постов (с. 516). В своем гуманном порыве вызволять выдающихся ученых из нужды и застенков истинный патриот России, кстати, не выделял особо своих соотечественников, что прекрасно доказано на примере крупнейшего специалиста по древней экономике Ф. Хайхельхайма, с которым Ростовцев, более того, полемизировал по концептуальным проблемам³. Однако случай с Набоковым совершенно особенный. Дело здесь, я убежден, вовсе не в давнишней дружбе ученого с отцом Владимира, к тому же соратником по партии, и не просто в элементарном человеческом гуманизме. Настоячивые многолетние усилия Михаила Ивановича добиться для литератора Сирина места преподавателя в Йельском университете были движимы тем, что он наверняка распознал в «крупном и глубоком писателе» (с. 291) будущую крупную звезду русской литературы. Недолго оставалось Владимиру Набокову, чтобы стать причисленным к сонму великих русских писателей, да и американских тоже.

Весьма ценно первоиздание в книге самого полного на сегодняшний день списка трудов ученого и работ о нем, снабженного указателями и скромно названного его составителем В.Ю. Зуевым «Материалами к биобиблиографии М.И. Ростовцева» (с. 200–230): он насчитывает 680 названий статей и монографий с их переизданиями! К не меньшим достоинствам я бы отнес вплетенный в середину тома альбом подобранных с душою и вкусом фотографий, разысканных составителями в русских и зарубежных архивах, а потому попросту уникальных. С этих снимков на нас глядит М.И. Ростовцев, один и в компании, в разных ситуациях и в разные периоды жизни, а также его супруга, друзья, коллеги, ученики и выдающиеся современники. Впечатляют и снимки мест, где Михаил Иванович жил, творил, трудился, скончался.

Завершая раздумья о жизни великого соотечественника и оценивая посвященный ему том, отмечу, что коллектив создателей «Скифского романа» во главе с его вдохновителем поставили перед собой благодетельную, но вместе с тем и необходимую задачу – попытаться понять Михаила Ивановича Ростовцева (ср. с. 462), к чему они всем содержанием книги призывают и читателя. Без колебаний скажу, что с этой задачей им удалось не просто справиться, но безусловно превзойти поставленную цель. Ибо сами переполняющие издание документы, их исследование и комментарии к ним высветили для нас неумный и неукротимый дух этой выдающейся личности, который только и позволил ученому превозмочь все трагические перипетии своей бурной жизни, не допустил затем, успокоенно и в достатке устроившись, до конца дней стать на якорь в тихой гавани за океаном, но без устали подвигал к новым замыслам и начинаниям, таким как раскопки в Дура Эвросос. Ошеломляющим откровением книги оказалось раскрытие в личности ученого природного

³ См. Шоу Б. Два историка в изгнании: переписка М.И. Ростовцева и Ф.М. Хайхельхайма // ВДИ. 1994. № 2. С. 171–183.

инстинкта сохранения родной культуры, бескорыстной помощи лучшим ее носителям и продолжателям, в славном ряду коих судьба назначила ему одно из ведущих мест. Поклонившись создателям «Скифского романа», нам остается лишь нетерпеливо ждать его продолжения.

Ю.Г. Виноградов

© 1999 г.

АНДОКИД. Речи, или история святотатцев. Перевод с древнегреческого, вступительная статья, комментарии и примечания Э.Д. Фролова. СПб.: «Алтейя», 1995. 256 с.

Рецензируемая книга «Андокид. Речи, или история святотатцев», вышедшая в свет в Санкт-Петербургском издательстве «Алтейя» в серии «Античная библиотека» (раздел «Античная история»), содержит в себе перевод речей известного афинского оратора Андокида – одного из канона 10 выдающихся аттических ораторов. Эти речи были произнесены Андокидом на так называемом «процессе святотатцев или гермокопидов» (разрушителей герм) и посвящены его собственной защите по обвинению в осквернении святынь и разрушении герм.

В небольшой, но весьма информативной вступительной статье проф. Э.Д. Фролова, озаглавленной «Из истории политической борьбы в Афинах в конце V века до н.э. (Андокид и процесс гермокопидов)», читателю предложен обзор основных моментов, касающихся самого процесса (обращает на себя внимание богатое фактами изложение его предыстории), а также кратко рассмотрены все вопросы, имеющие отношение к самому Андокиду. При изложении биографии Андокида учтены все возможные источники ее изучения, что позволяет, с одной стороны, воссоздать картину жизни оратора вплоть до мелочей, однако, с другой стороны, очевидной представляется трудность подлинной реконструкции, так как все имеющиеся материалы о его биографии в силу разных причин не вполне достоверны. Также сомнительной является принадлежность именно Андокиду всех четырех дошедших до нас под его именем речей – этому вопросу посвящен небольшой, но интересный филологический анализ литературного наследства Андокида.

Особое внимание Э.Д. Фролов обращает на ценность речей Андокида: во-первых, этот оратор – современник, очевидец и непосредственный участник процесса святотатцев, а во-вторых, его речи на фоне скудости сведений, сообщаемых другими авторами об этом процессе, едва ли не единственный достоверный источник для изучения этого события, оказавшего большое влияние не только на социально-политическую историю Афин того времени, но и сыгравшего значительную роль в дальнейшем развитии Греции после окончания Пелопоннесской войны. К тому же речи Андокида являются ценнейшим источником по истории Афин в конце V – начале IV в. до н.э., а в некоторых случаях служат важным и существенным дополнением к историческим трудам его современников Фукидида и Ксенофонта, особенно по вопросам внешней и внутренней истории Афин того периода (экономическая ситуация, социальные группы, религиозные таинства и др.). При этом, разумеется, не следует забывать о литературной ценности речей Андокида, оценка которой, впрочем, отнюдь не однозначна. Во вступительной статье Э.Д. Фроловым представлены две основные точки зрения по этому вопросу. С одной стороны, критика уже в античности ораторских способностей и риторической техники Андокида (и это наряду с тем фактом, что позднеэллинистические риторы включили его в канон 10 выдающихся аттических ораторов), а с другой стороны, настоящая апология риторического творчества Андокида у большинства современных исследователей, среди которых надо назвать и автора, подготовившего эту книгу.

Настоящее издание – первое, где публикуется полный перевод на русский язык всех четырех речей, дошедших до нас под именем Андокида: «О мистериях», «О мире с лакедемонянами», «О своем возвращении», «Против Алкивиада». Необходимость в подобном издании очевидна: раньше, как замечает автор, переводились лишь небольшие отрывки из речи «О мистериях», которые (без указания переводчика) приводились в ряде пособий и хрестоматий по древней истории.

Что касается самого перевода, то трудность его заключается в том, что Андокид – представитель своеобразного безыскусного, близкого к естественной речи стиля. Квин-